

РАССКАЗЫ

ГОГОЛЕВСКИЙ ПАРК

Возвращаясь летним вечером с работы, Адам Иванович Козлов обнаружил, что неподалеку от его дома устроили Гоголевский парк. Прежде композиции в парке были зачехлены — и Адам Иванович не мог разобраться, что именно здесь появилось. Теперь же их открыли, а над воротами повесили огромный транспарант с названием. Козлову стало любопытно, и он решил зайти.

У входа была установлена красно-белая полосатая будка, словно предназначенная для часового, с надписью «Нехай». При приближении Адама Ивановича из нее, тяжело отдуваясь, вылез похожий на моржа усатый мужчина. Сходство усиливалось еще и его необычно крупными клыками, которые не помещались во рту и торчали у верхней губы.

«Простите, пожалуйста, а что значит „Нехай“? — поинтересовался у незнакомца Козлов. «Это не что, а кто, — недовольно сопя, поправил тот Адама Ивановича. — Это я. Меня зовут Степан Нехай, и я смотритель парка». — «Ах вот как! — сконфуженно воскликнул Козлов, которому заданный вопрос теперь показался бестактным. — Очень интересно! Прежде тут этого парка не было». — «А теперь есть, — сказал Нехай уверенным тоном, словно этот факт нуждался в его подтверждении. — И у нас здесь собраны уникальные экспонаты, имеющие отношение к Гоголю. Вы можете пройти и посмотреть, а я отвечу на ваши вопросы».

Адам Иванович поблагодарил смотрителя и двинулся вперед. Ему было неприятно, что Нехай пошел по пятам за ним, чуть ли не наступая на ноги. «Он, что, считает, что я могу украсть отсюда что-нибудь?» — обиженно подумал Козлов, но вслух возражать не решился.

Первой на его пути встретилась выполненная из металла композиция высотой метра в три, представляющая руку с пером и под ним — лист бумаги. «Что это такое?» — спросил Козлов. «Это рука Гоголя, та самая, которой он писал свои бессмертные произведения», — с каким-то странным оттенком торжественности сказал Нехай. «Но откуда посетители могут узнать, что эта рука принадлежит именно Гоголю? — с недоумением спросил Козлов. — Она точно так же могла бы быть рукой Пушкина, Тургенева или Достоевского. В ней нет ничего лично от Гоголя». — «Ну, знаете, — обиженно сказал Нехай. — Вы же пришли в Гоголевский парк, а не парк Пушкина. Рука — это важная часть Гоголя, поскольку писала, создавала тексты именно она, и этого достаточно, чтобы увековечить ее в таком памятнике. Для тугодумов, которые не могут понять, кому принадлежит рука, под ней стоит табличка, где написано, что она — Гоголя. А для тех, кто поленится прочитать табличку, есть еще и я — я всегда готов дать необходимые пояснения». — «Ну хорошо», —

Дмитрий Никитин родился в 1985 году в Москве. Окончил Институт журналистики и литературного творчества (ИЖЛТ). Основная специальность — редактор в информационных агентствах. В 2011 году вышла книга «Жизнь Иринина», включающая два небольших романа, в 2015 году — книга «Трещина» с повестями и рассказами.

сказал Козлов, которому не хотелось спорить с Нехаем, хотя выдумка с рукой и показалась ему глупой.

Следующим экспонатом был горбатый нос — примерно такого же размера, как рука. «А это, наверное, нос Гоголя», — предположил Козлов. «Разумеется, нет, — буркнул Нехай. — Это нос из его одноименной повести». — «Да, я должен был догадаться, — сказал Адам Иванович, который почувствовал почему-то необходимость оправдываться. — Просто он горбатый и похож на гоголевский». На это Нехай ничего не ответил.

За носом была установлено на вешалке нечто вроде пальто. «Это, видимо, шинель», — сказал Адам Иванович. «Да, — удовлетворенно кивнул Нехай. — Хотя здесь вы угадали. Если хотите, вы можете надеть ее и снять». — «Зачем?» — спросил Адам Иванович. «Таким образом вы сможете в буквальном смысле выйти из гоголевской шинели», — объяснил Нехай. «Нет, спасибо. Пожалуй, я обойдусь».

Чтобы меньше обращаться к Нехаю, к которому Козлов чувствовал уже сильную неприязнь, Адам Иванович решил читать таблички перед экспонатами. Он перешел к композиции из металла, представляющей группу людей, пустых внутри и обведенных только контурами. Под ней было написано: «Мертвые души». «И почему же именно вот это — мертвые души?» — не удержался от вопроса Козлов, скептически осмотрев композицию. «Разве не видно? Они пустые внутри, — почти с каким-то озлоблением сказал Нехай. — Станный вы, право слово, как маленький, все приходится вам объяснять».

Эта неожиданно грубая реплика удивила Адама Ивановича; он обернулся и смерил взглядом всю крупную, заплывшую жиром фигуру Нехая, который в свою очередь уставился на него своими маленькими темными глазенками. «Пьян он, что ли? — подумал Козлов. — Или намеренно хочет затеять скандал?» У Адама Ивановича не было желания вступать в перепалку с Нехаем, и он, промолчав, отвернулся.

Дальнейший осмотр парка все больше повергал Адама Ивановича в уныние. Среди выставленных экспонатов был огромный глаз, у которого можно было поднимать и опускать веко, названный «глазом Вия»; фигуры доверительно беседующих Хлестакова и Пушкина, представляющих выдумку о том, что Хлестаков был «с Пушкиным на дружеской ноге». Затем шли несколько небольших домиков, внутри которых были обустроены жилища персонажей «Мертвых душ». Один из них, представляющий дом Собакевича, был в форме самого Собакевича, и все предметы внутри — стол, кресла, стулья, ореховое бюро — также имели подобную форму. На одной из стен была вывешена цитата: «Каждый предмет, каждый стул, казалось, говорил: и я тоже Собакевич!» Кроме того, в этом доме находился сам Собакевич, наступающий на ногу Чичикову. Роли обоих играли загримированные живые люди, которые обязаны были оставаться в одном положении. Следующий дом был жилищем Манилова, внутри его семейство сидело за обедом в окружении слуг, один из которых вытирал нос Фемистоклусу — сыну Манилова. В этой сцене были зачем-то задействованы несколько слуг, вовсе не упомянутых в тексте «Мертвых душ», и общее число ее участников составляло десять человек. Все участники, опять же, были живыми людьми, застывшими в одной позе. «Что за дурацкая выдумка! — с возмущением подумал Козлов. — Ведь для всех этих людей так стоять — мучение, и всем им, очевидно, надо платить за то, что они здесь находятся». Выглядело все это так нелепо, что Адам Иванович, не удержавшись, ткнул одного из слуг пальцем в бок, от чего тот нервно дернулся. «Действительно живой», — с неприятным удивлением подумал Козлов.

Еще в одном домике помещалось жилище Плюшкина. Там посетителям предлагалось выбрасывать мусор — «пожертвовать его Плюшкину». Единственный участ-

ник этой сцены — сам Плюшкин — должен был собирать мусор, раскладывать и сортировать его. Поскольку в помещении накопилось много гниющих пищевых отходов, там стояла омерзительная вонь, и Адам Иванович поспешно вышел.

За домиками стояли актеры, изображающие Бобчинского и Добчинского; рядом с ними был установлен стол с письменными принадлежностями, над ним висел почтовый ящик. Как прочитал Козлов, здесь можно было написать письмо президенту и «рассказать ему о себе». На табличке рядом была установлена цитата: «Скажите государю, что вот, мол, ваше императорское величество, в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский». «Что за глупости! — не сдержавшись, воскликнул Козлов. — Зачем мне писать письмо президенту?» — «Как это? Может, он ответит или подарит вам что-нибудь», — сказал из-за его спины Нехай, который все это время продолжал следовать за Козловым.

Наконец, в дальнем участке парка, в густой тени деревьев, была вырыта глубокая узкая яма, в которой стоял гроб. Никакой поясняющей таблички здесь не было. «А это что такое?» — решил все-таки обратиться за разъяснениями к Нехаю Козлов. «Эта композиция представляет легенду о том, что Гоголь был похоронен заживо. В гробу действительно есть живой человек, похожий на Гоголя, — в гробу проделана дырочка, через которую он может дышать. А за небольшую плату вы можете попробовать и себя в этой роли». — «А сколько это стоит?» — зачем-то спросил Козлов. «Сто рублей», — сказал Нехай. Адам Иванович сам не знал, что с ним творилось, но почему-то ему захотелось непременно попробовать этот аттракцион и залезть в гроб; не успев опомниться, он протянул Нехаю сто рублей, и тот дернул за большой рычаг, с помощью которого гроб поднимался на поверхность. Нехай снял крышку, и из гроба действительно вылез человек, загримированный под Гоголя; он был растрепан и выглядел сонным. «Вы что, спите там?» — спросил Адам Иванович. «Да, а что еще делать? Хорошая у меня работа: сплю и получаю деньги!» — сказал, расхохотавшись, двойник Гоголя. «Вы не подумайте, что этот аттракцион такой скучный, — вступил в разговор, забеспокоившись, Нехай. — Он просто уже давно привык, а вам сильных впечатлений хватит. Вы пробудете в гробу ровно две минуты, но, поверьте, этот опыт вам запомнится надолго». Адам Иванович, которому не хотелось больше разговаривать с Нехаем, вместо ответа молча лег в гроб и сложил руки на груди. Он обратил внимание, что на крышке с внутренней ее стороны были большие свежие царапины, и решил, что они сделаны специально, для дополнения общего эффекта.

Крышка захлопнулась, Козлов остался в полной темноте. Он почувствовал, как гроб плавно спустился в яму, а затем на нее начало что-то со стуком сыпаться. «Они что, зарывают меня?» — с беспокойством подумал Адам Иванович. — Разве это было предусмотрено? Ведь двойник Гоголя лежал здесь незакопанным!»

Козлову пришла вдруг в голову безумная мысль, что Нехай решил убить его и заманил его в ловушку. В самом деле: удары о крышку гроба, очень обильные, становились все глуше, словно гроб уже был засыпан и сверху накапливались все новые слои земли. При этом темнота внутри была полной — значит, дырочки для дыхания, о которой говорил Нехай, в действительности не было — либо ее заткнули.

Козлова охватил ужас; ему показалось, что он задыхается. Слегка повернувшись, он несколько раз ударился головой и плечами в стенки гроба — и только сейчас как-то особенно остро почувствовал, как мало пространства ему отведено внутри. «Откройте! — крикнул Адам Иванович. — Идиоты, дурачье, откройте!!» Вместо ответа слышались все более глухие удары комьев земли. Испуганный, Козлов принялся колотить в крышку гроба, царапать ее ногтями, потом, отталкиваясь от дна локтями, уперся в нее грудью и пытался выдавить — но никакого эффекта не было:

Адаму Ивановичу было слишком тесно, и он не мог размахнуться для сколько-нибудь сильного удара. Тщетность усилий только больше его напугала. Козлов кричал, ворочался, извивался всем телом, как змея, стал даже дубасить в древесину лбом. У него началась истерика, и боли он не чувствовал. Наконец, когда Адам Иванович начал уже терять сознание от ужаса, гроб дернулся и поднялся наверх.

Когда крышка отворилась, Нехаю и двойнику Гоголя пришлось вытаскивать Адама Ивановича из гроба: руки и ноги у него были как ватные, перед глазами все плыло. Он жадно, глубоко дышал. Когда Козлова положили на траву — его стошнило, и у него даже не было сил вытереть с себя рвоту. «Ну, что вы так, — с беспокойством говорил Нехай, осторожно переворачивая Козлова на бок и вытирая его большой салфеткой — видимо, у него специально были припасены такие для подобных случаев. — Уж и испугались! Пришлось даже доставать вас раньше времени. Вы что, думали, мы вас там действительно зароем, что ли? Это мы просто включаем такой звук, как будто земля падает. Зато теперь почувствуете, как хорошо, радостно жить!»

Адам Иванович, дождавшись, когда к нему вернулась чувствительность, осторожно поднялся и, оттолкнув руки Нехая и двойника Гоголя, которые хотели поддерживать его, побрел из парка прочь. Чувствовал он себя омерзительно, во рту задержался гадкий кислый вкус рвоты, и Козлову представлялось, что все вокруг — земля, трава, деревья, солнце — такое же кислое на вкус, липкое, вязкое и гнусное. Козлову казалось, что его испачкали, вымазали в грязи, в которой он чуть было не задохнулся; произошедшее было безобразно, возмутительно, но вместе с тем так нелепо и странно, что Адам Иванович никак не мог прийти в себя.

Выходя из парка, он заметил книгу жалоб и предложений, размещенную на специальной полочке у будки Нехая, и, не зная, как выразить свою злость, швырнул книгу на землю и несколько раз наступил на нее.

ИЗГНАНИЕ

Владимира Воронова преследовала в последнее время странная, как будто ничем не обоснованная мысль: ему казалось, что он утратил право на существование. Думая об этом, Воронов с удивлением оглядывался на своих сослуживцев, родственников и знакомых, просто встречных прохожих на улице и восклицал: «А они! Разве они лучше меня? Чем можно оправдать их присутствие в жизни? Почему они достойны того, чтобы жить, а я — нет?»

Ответа на этот вопрос Воронов не находил. Лица окружающих казались ему непроницаемыми; они сияли непостижимым самодовольством и не допускали даже и тени сомнения в том, что существование этих людей необходимо, что они по праву занимают свое место в жизни, приносят пользу, являются хотя бы крохотными, но нужными винтиками в механизме мироустройства. И только Воронов усомнился в собственной полезности — и вместе с этим как будто и вправду выпал из общего целого, сделался отщепенцем, отверженным.

Пытаясь себя оправдать, Воронов восстанавливал мысленно ход своей пока еще недолгой жизни. Детство казалось Владимиру благополучным и ничем не примечательным, оно прошло не хуже, чем у других; единственной характерной особенностью, обуславливавшей его не совсем обычный взгляд на мир, была сильная близорукость. Воронов практически не видел без очков — мир для него превращался в набор расплывающихся пятен, в нечто далекое и нереальное. Ему требовалось связующее звено, нечто встраивающее его в мир, делающее его полноцен-

ным, — и этим инструментом были большие тяжелые очки, похожие по форме на авиаторские. Владимир привык уже вооружаться этими очками и даже как-то гордился ими — но в то же время и несколько побаивался их утраты: без них он делался не таким человеком, как все, беспомощным и уязвимым. Возможно, именно в этой особенности Владимира коренилось его смутное чувство отделенности от мира, поскольку очки, будучи связью, в некотором роде являлись и преградой, перегородкой между ним и миром, — и сейчас это ощущение особенно усилилось. Во Владимире было нарушено сложившееся годами внутреннее равновесие; он искал своего места в жизни и не находил.

Без успеха отучившись в школе, Воронов благодаря своей близорукости избежал армии и устроился работать продавцом в салон сотовой связи. Работа не нравилась Владимиру и даже вызывала у него некоторое чувство вины: ему казалось, что он не делает ничего полезного, паразитирует на благополучии других людей, стараясь навязать ненужные им предметы. Судя по всему, именно это занятие и вызвало у Воронова чувство собственной ненужности; однако бросить его он не мог, поскольку родители отказывались содержать его, а поступить в институт ленивому и пассивному Владимиру не удавалось. В результате ему казалось, что он живет ничемно, просто коптит небо.

Для Воронова наступили тяжелые дни. Стояла мучительная, одуряющая жара, и он подчас переставал понимать, где он находится и что с ним происходит. Двенадцатичасовые смены в салоне связи доводили его практически до невменяемости; к вечеру он совсем переставал соображать, двигался и выдавливал из себя слова механически, с большим трудом.

Окружающий мир день ото дня казался ему все более странным и враждебным. Лица сослуживцев и посетителей сделались словно бы более изменчивыми, чем прежде, и расплывались в безобразные и страшные гримасы, от которых Владимир буквально отшатывался. Сами его коллеги стали более глупыми и злыми, беспричинно раздражались и кричали, чуть не дрались при дележе выручки. Посетители салона словно бы не намеревались больше ничего покупать, а заходили как будто с целью выкинуть дикую шутку или разыграть отвратительную сцену. Один из них, когда Воронов подошел к нему, неожиданно снял очки с Владимира и принялся их примерять. Когда Воронов выхватил их, пришедший разозлился, вызвал администратора салона и стал жаловаться на Владимира, утверждая, что тот ему нахамил. Другой посетитель принялся принимать странные позы: рассматривая ассортимент салона, он садился на корточки, потом, наоборот, поднимался на цыпочки и раскачивался на носках, лег на пол, затем встал на одной ноге, вытянувшись всем корпусом вперед. Еще один, с советским флагом, долго и навязчиво уговаривал Владимира голосовать на выборах за коммунистов. Потом какая-то старуха, судя по виду приехавшая из деревни, привела с собой грязную свинью, которая прямо в помещении нагадила. Вслед за ней пришел человек с непропорционально крупной головой — из-за ее величины ему трудно было удерживать равновесие, так что он покачивался при ходьбе — и, уловив момент, когда Воронов отвернулся, слопал пирожок, который тот заготовил себе на обед. Затем в салон залетел огромный ярко-красный попугай и стал с оглушительными воплями долбить клювом по стеклам, так, что едва не побил витрины. После всего произошедшего Воронов уже не удивился бы, если бы в салоне появился слон, крокодил или вырос бы баабаб.

Другие проходящие плевали на пол, хамили Владимиру, приставали к нему с не относящимися к делу вопросами, а иногда просто молча стояли на месте по полчаса, по часу, по два часа и отказывались уходить. При этом коллеги Воронова вели се-

бя невозмутимо, словно так и нужно было; казалось, они готовы были спокойно сносить самые грубые и безобразные выходки посетителей — но при этом становились все более придирчивы и жестоки к самому Владимиру. Ему постоянно указывали на недостатки в работе, говорили, что он спит на ходу, мямлит, отвечает невпопад и в результате отпугивает клиентов; наконец, просто ставили ему в вину его очки, заявляя, что он в них похож на «пугало огородное». Более старшие и сильные коллеги начали исподтишка тыкать его кулаками, щипать, дергать за волосы и за уши; Воронов старался отвечать им, но не мог справиться с общей ожесточенностью против него. Судя по всему, Владимира возненавидели: как-то раз в начале рабочего дня он нашел на столе тряпичную куклу, изображающую его самого и исколотую булавами. Видимо, окружающие поняли, что он больше не считает себя достойным жизни, и, как хищники, набросились на него, чтобы действительно его выдать, затравить, сожрать и занять его место.

Владимир не находил себе оправдания, не понимал, за что он мог бы зацепиться, чтобы почувствовать себя сильнее и увереннее. Он был рядовым, обыкновенным человеком, который ел, спал, продавал телефоны — и не делал ничего важного или нужного. Он ничем не выделялся и не обладал никакими значительными способностями, буквально любой из окружающих мог бы заменить его. Воронова отличало только осознание собственного ничтожества, отсутствие какого-то естественного инстинкта самосохранения, заставляющего с животным упорством бороться за свой кусок мяса. Но Владимир даже и не мог понять, зачем ему это делать. Происходящее осточертело ему — и было непонятно, как ход событий можно изменить.

Когда в очередной понедельник Владимир явился в свой салон, его рассчитали и сказали ему, что в его услугах больше не нуждаются. С ним кратко поговорил только дежурный администратор; остальные коллеги даже не подали ему руки, не сказали ни одного слова, как будто Воронов уже перестал для них существовать. На него даже как-то невольно наталкивались, словно он сделался невидимкой. Стоя в растерянности посреди салона, Владимир, хотя его никто и не гнал, чувствовал, что он теперь здесь лишний, что его дальнейшее присутствие бессмысленно, — и ему вдруг показалось даже, словно он никогда и не работал в этом салоне, словно его вообще здесь не было, его никто не видел и не знал. Это ощущение вызвало у Воронова внутренний протест; ему мучительно захотелось, чтобы его заметили. Для этого он решил пусть и потратить последние деньги, но выступить в роли клиента — хотя бы на минуту почувствовать, что он существует и что-то представляет из себя. Он обратился к одному из своих бывших коллег-продавцов, но тот не стал слушать Воронова и, слегка приобняв его за плечо, подтолкнул к двери. Владимир почувствовал, что ему лучше поскорее уйти.

Жара в этот день особенно усилилась. Не зная, куда деваться, Воронов принялся бродить по городу и пить пиво, покупая новое по мере того, как пустели бутылки. Ему было грустно и страшно, хотелось, чтобы кто-нибудь заговорил с ним — но прохожие демонстрировали такое же отношение к нему, как и сотрудники салона связи: от Владимира прятали глаза, не отвечали на его реплики, не оборачивались, а если он приближался к кому-то — перли напролом, отталкивая его, словно Воронова просто не было. Владимир попытался было подсесть к девушке, которая со скучающим видом сидела на лавке в сквере, но она моментально вскочила с места и ушла. Какой-то подросток, которого Владимир схватил за плечо, решив предложить ему пива, кинулся прочь со всех ног; пьяный мужчина, тянувший пиво, как и Воронов, при приближении Владимира сам двинулся на него и сбил его с ног. Наконец, разозлившись, Владимир вышел на тротуар, удерживая одной рукой свое пиво, расстегнул ширинку и принялся демонстративно мочиться прямо на асфальт.

Он был уверен, что теперь на него обратят внимание, хотя бы выругают, но прохождение только молча, отворачиваясь, на большом расстоянии обходили его.

Усталый, расстроенный и пьяный, Воронов наконец отправился домой. Он жил в пригороде, в небольшом коттедже с огороженным участком. К удивлению Владимира, его калитка была заперта; он пробовал кричать и звать родителей, но никто не отзывался. Тогда Воронов принялся дергать калитку — и с неожиданной даже для себя силой рванул ее так, что с мясом выдрал плохо закрепленный засов. Однако и дверь дома тоже была закрыта. Владимир, стоя на пороге, кричал, барабанил в дверь кулаками, затем стал дубасить ногами — но никакого ответа не было. Он уже чувствовал, что происходит нечто неладное, но не мог понять, что случилось. Ему казалось, словно он вычеркнут из жизни, перестал существовать — и Воронова охватило тяжелое чувство обреченности. Судя по всему, бороться с этим было бесполезно.

Владимир в изнеможении опустился на крыльцо, какое-то время ждал, а затем задремал. Разбудили его скрип и толчок двери, ударившей его в спину. Наконец-то ему отворили. Воронов радостно вскочил с места и вошел — но остолбенел от удивления: его родители стояли недалеко от двери с испуганными и злыми выражениями лиц, мать была вооружена скалкой, а отец — шваброй, которую выставил перед собой наперевес. Они явно намеревались не пустить сына в дом. За их спинами виднелась маленькая сестра Владимира, которая с ужасом вытаращилась на него и, видимо, готова была заплакать.

«Чего пришел? Иди отсюда!» — со злобой сказал Воронову отец. Владимир пытался было сделать шаг в дом, но тут отец сильно ткнул его шваброй в бок, а затем размахнулся, явно готовясь ударить по голове; мать тоже держала наготове свою скалку. «Я же ваш сын! Я пришел домой! Почему вы меня не пускаете?» — спросил Владимир. «Иди, иди, нечего тут!» — сказал отец, подталкивая Воронова шваброй и потихоньку надвигаясь на него, вытесняя из дома. «Но куда я пойду?» — спросил Воронов. Отец не стал больше с ним разговаривать, а молча указал шваброй куда-то за спину сына.

Владимир, обернувшись, увидел собачью конуру, которой прежде у них во дворе не было; рядом с ней стояли миска, полная куриных костей и объедков, и небольшая кастрюлька с водой. По жесту отца Владимир понял, что все это было приготовлено для него. Видимо, члены его семьи почувствовали состояние Владимира и согласились с его собственным мнением — что он больше не имеет права жить как человек. Собственно, если посмотреть объективно, он ничем не заслуживал и этой конуры: видимо, она была для него поставлена из жалости или из чувства долга.

Владимира еще раз больно ткнули в спину шваброй, чтобы он подвинулся и полностью вышел из дома, — и дверь за его спиной с треском захлопнулась. Вздохнув, он подошел к конуре, встал на четвереньки и принялся, тяжело кряхтя, протискиваться в ее узкое круглое отверстие. Ему было приятно увидеть, что будка для него была выполнена даже с некоторой заботливостью: у нее был дощатый пол, на который постелили новенький коврик, а над входом на счастье висела подкова. Воронов был огорчен произошедшим, но чувствовал, что, в сущности, его изгнание закономерно, и радовался тому, что у него все-таки есть еда.